

— Сил моих больше нет! Я тут, значит, мусор разгребаю, а вы вдвоём на балкончике прохлаждаетесь? Это вообще по совести? — Цзянь Фу, тяжело отдуваясь, поднялся на второй этаж с огромным плетёным мешком, набитым хламом.

На первом этаже он слышал только торопливый топот Ли Жуна, избежавшего по лестнице. Пару раз парень крикнул: «Что стряслось?», но ответа так и не дождался. Цзянь Фу терпеть не мог одиночества, а вид пустеющего дома нагонял на него тоску, так что, выждав немного, он поспешил наверх к остальным.

Ли Жун в мгновение ока выхватил из рук Цэнь Сяо охапку белья и простыней. Он прижал вещи к груди, стараясь спрятать под ними те самые злополучные трусы.

— Я пойду сложу одежду, — стараясь звучать как можно будничнее, бросил он. — А вы двое можете и дальше дышать свежим воздухом.

Цзянь Фу с грохотом бросил мешок на пол и слегка пнул его носком кроссовка. Совершенно не чувствуя разлитого в воздухе напряжения, он бесцеремонно обратился к Ли Жуну: — Эй, глянь-ка, это точно на выброс или оставить?

Цэнь Сяо опустил взгляд на свою опустевшую левую руку, затем припомнил редкое для юноши выражение растерянности и невольно потёр кончики пальцев. Кажется, они оба только что подумали об одном и том же.

Цэнь Сяо повернулся к другу: — Ты чего притащился?

— Да вас ищут! — резонно отозвался Цзянь Фу. — Ли Жун должен сам проверить, что в мусорном мешке.

Он покосился на туго набитый баул и вдруг, понизив голос, спросил Цэнь Сяо: — Слушай, я тут пока прибирался, всё думал... Чем больше смотрю на этот дом, тем меньше верю, что Ли Цинли и Гу Нун были такими, как про них писали. Но почему они в полицию не пошли, если их подставили? Можно же было на банкротство подать, выплаты заморозить... Самоубийство — это же всё равно что признание вины, разве нет? Думаешь, за этим и впрямь стоит Торговая палата?

Цэнь Сяо долго молчал, прежде чем негромко обронить: — Твоя семья заправляет делами в интернете. Любые новости доходят до вас быстрее, чем до кого-либо другого. Неужели ты не слышал даже тени слухов?

Собеседник понурился: — Если что и было, мне бы не сказали. У меня до сих пор нет официального доступа к архивам, откуда мне инфу брать? Так, подслушиваю иногда у

родителей, что могу.

— И что же ты слышал?

Цзянь Фу энергично затряс головой: — Да вообще ничего! Обсуждали только выходку Ли Жуна на дне рождения Сун Юаньюань, и всё.

Цэнь Сяо пристально посмотрел на него. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глубине глаз промелькнул ледяной блеск. — Тебе не кажется это странным? Такое громкое дело, а в первом районе Ланьшу — гробовая тишина.

Цзянь Фу несколько секунд смотрел ему в глаза, и вдруг его пробрала дрожь. До него начало доходить нечто пугающее. Жаркий пот на спине мгновенно сменился холодным.

— Значит... Палата и впрямь к этому причастна... — прошептал он, облизывая пересохшие губы.

Цэнь Сяо перебил его: — Не строй догадок. Начинать с выводов, а потом искать под них улики — путь в никуда.

Парень с трудом сглотнул. Мысль о том, что Ли Цинли и Гу Нун встретили смерть прямо в этом доме, заставила его кожу покрыться мурашками. Пытаясь хоть как-то разрядить обстановку, он натянуто рассмеялся: — Ты сейчас говоришь точь-в-точь как твой отец, дядя Цэнь.

Тем временем Ли Жун закончил складывать вещи. Он упаковал их в вакуумные пакеты и с помощью насоса выкачал воздух — пышная гора одежды превратилась в плоские пласты. Юноша опустился коленями на пакеты, тяжело дыша и придерживая ноющую поясницу.

Всего три собранных ящика — а он уже вымотан до предела. Рубашка прилипла к телу, пот катился градом. Немного придя в себя, Ли Жун поднялся, вытер шею бумажной салфеткой и крикнул друзьям: — Пойдемте вниз, передохнем немного.

В гостиной на первом этаже стоял просторный диван, где места хватило бы всем троим. Разговор Цэнь Сяо и Цзянь Фу оборвался. Опасаясь, что Ли Жун мог подслушать их догадки, последний напустил на себя бодрый вид: — Давно пора, я уже с ног валюсь. Пошли, пошли!

Спустившись, Ли Жун устроился на краю дивана. Он вскрыл упаковку с маленькой булочкой и принялся молча жевать, запивая водой из бутылки. С обеда у него маковой росинки во рту не было, так что проголодался он куда сильнее парней.

Даже во время еды Староста сохранял безупречную манеру: прямая спина, закрытый рот, маленькие, аккуратные глотки. Влажные пряди волос прилипли к вискам и лбу, воротник футболки слегка перекосялся, но он не выглядел жалко. Красивый человек остается красивым,

даже просто перекусывая всухомятку.

Цэнь Сяо изначально не чувствовал голода, но, глядя на него, вдруг сам захотел попробовать: неужели эти булочки и впрямь такие сладкие?

Цзянь Фу схватил пару упаковок, мельком глянул на бренд и со стуком бросил обратно на стол. — Ну и гадость эти ваши булки. С мясной стружкой ничего нет?

Ли Жун проглотил последний кусочек, запил водой, смачивая горло, и ответил: — Потерпи немного. На ужин я заказал доставку — будем есть хот-пот.

Собеседник искренне удивился: — Зачем заказывать? Пойдем в ресторан! А то после этого хот-пота тут еще полночи прибираться придется.

Ли Жун замер.

А ведь и правда, почему бы и нет? Он так давно не выбирался в общественные места, что подобная возможность даже не пришла ему в голову. Юноша слишком долго избегал посторонних глаз, запершись в собственном информационном коконе и стараясь не слышать, что о нём болтают.

Он решил, что пора выбираться из этой зоны комфорта: — Хорошо, я отменю заказ. Поедим в городе.

Цэнь Сяо бросил на него многозначительный взгляд, но как бы невзначай уточнил: — Ты заказал именно хот-пот?

Ли Жун кивнул: — На улице холодает, другие блюда быстро остынут. А что?

— Да нет, ничего, — покачал головой тот.

Отдохнув и набравшись сил, они упаковали последние четыре ящика. Среди всех коробок лишь одна осталась без единой пометки. В ней покоились личные вещи его родителей; Ли Жун не собирался открывать её.

Небо окрасилось в иссиня-черный цвет, но фонари еще не зажглись. За окном завывал ветер, заставляя ветви деревьев зловеще скрежетать. Ли Жун задернул шторы, окончательно отрезая себя от наступающей ночи.

Цзянь Фу, обхватив живот руками, забормотал: — Шевелитесь, я сейчас от голода умру! Я тут глянул, в Старом городе есть «Нюшань», совсем рядом. Говорят, там чертовски вкусно. Раньше мне лень было сюда тащиться, так что ни разу там не был.

Ли Жун редко ел хот-пот, но знал, что его друзья — большие любители этого блюда. В прошлой жизни он никогда не пытался подстроиться под вкусы Цэнь Сяо: когда они ходили в такие заведения, он просто сидел и смотрел, не притрагиваясь к еде. Цэнь Сяо, при всей своей жесткости в делах, никогда не заставлял его есть то, что ему не по нраву. Из-за этого последние пару лет мужчина практически отказался от острого котла и перешел вместе с ним на кантонскую кухню.

Ли Жун отмыл руки от пыли, стряхнул капли воды с пальцев и согласно кивнул: — Идем туда. Я там тоже еще не был.

Цэнь Сяо молча наблюдал за ним, не проронив ни слова.

Цзянь Фу накинул куртку и вышел во двор заводить машину. Водить умели все трое, но только Цэнь Сяо уже достиг нужного возраста для получения прав. Ли Жун погасил свет, запер массивную дверь и пошел следом за другом к гаражу.

Цзянь Фу уже выгнал внедорожник и припарковался у обочины. Фары вызывающе слепили дальним светом, заставляя всё вокруг померкнуть в их сиянии. Он вылез из машины, уступая водительское место Цэнь Сяо, а сам привычно направился к переднему пассажирскому сиденью.

Цэнь Сяо придержал дверцу рукой и бросил: — Садись назад.

Цзянь Фу замер в недоумении и ткнул пальцем в сторону Ли Жуна: — Пусть он назад садится.

— Его укачивает, — невозмутимо отрезал Цэнь Сяо.

Цзянь Фу потерял дар речи. — Да до ресторана пятьсот метров! Какое «укачивает»? Он что, драгоценная панда?

Ли Жун не стал выдавать Цэнь Сяо и лишь с легкой улыбкой пожал плечами.

Парень даже не заподозрил подвоха. Образ Ли Жуна в его глазах и так состоял из одних противоречий: то он ведет себя как небожитель, не причастный к мирской суете, то спокойно жует сухую булку, запивая минералкой; то кажется изнеженным неженкой, то впахивает наравне со всеми, не боясь тяжелой работы.

Буркнув что-то под нос, Цзянь Фу забрался на заднее сиденье. Ли Жун занял место впереди и пристегнулся. В салоне работал кондиционер, и на окнах быстро выступила тонкая пелена пара. Ехать было совсем недолго, так что в обогреве не было нужды, но юноше стало гораздо уютнее.

Он рассеянно протер стекло ладонью и уставился в окно. Взгляд зацепился за старую

деревянную скамью. В прошлый раз он сидел именно там, беспомощно глядя, как вандалы бьют стёкла в его доме. Казалось, с тех пор прошла вечность.

Популярные рестораны хот-пота всегда забиты до отказа, а бронь там не принимают — опоздавшим приходится ждать в очереди. Цэнь Сяо сделал круг вокруг заведения и каким-то чудом наткнулся на свободное место.

Опытный в таких делах Цзянь Фу, не дожидаясь остановки, толкнул дверь: — Быстрее, быстрее! Я побегу возьму номерок!

Цэнь Сяо притормозил, выпуская его. Тот вихрем умчался ко входу. Ли Жун поплотнее закутался в куртку, ожидая, пока друг припаркуется. Тот мастерски, всего в одно движение, втиснул машину в узкий промежуток между соседями.

Ли Жун мельком глянул на расстояние до соседнего авто и небрежно спросил: — У тебя всегда был личный водитель, откуда такие навыки?

Цэнь Сяо выключил зажигание и сжал ключи в ладони. Огни приборной панели медленно погасли. За секунду до того, как выйти, он ответил: — Просто повезло. Чётко прицелился.

Ли Жун понимающе усмехнулся.

Выйдя из машины, он невольно поёжился от порыва ветра. Снаружи было зябко, но в самом ресторане кипела жизнь. У входа раскачивались большие красные фонари, а из канализационного люка, подсвеченного их алым сиянием, лениво поднимался густой пар.

Сделав пару шагов, Ли Жун вдруг замер и похлопал по карманам. — Кажется, я телефон забыл.

Хотя он и не был заядлым пользователем соцсетей, без гаджета в руках стало неудобно. Цэнь Сяо окинул взглядом темнеющее небо и развернулся: — Поехали обратно, заберем.

— Не надо, — Ли Жун схватил его за рукав. — Стоит тебе выехать, как место тут же займут. Тут всего пятьсот метров, я быстро обернусь пешком.

Его доводы были разумны. Парковочные места на «улице деликатесов» в старом районе ценились на вес золота, а на перекрёстке уже выстроилась очередь из желающих поужинать. Цэнь Сяо остановился и убрал ключи в карман, принимая предложение.

— Я пойду с...

— Заходи внутрь и заказывай, мне всё равно, что есть. Я мигом! — Ли Жун не дал ему договорить. Разжав пальцы на рукаве Цэнь Сяо, он сунул руки в карманы и побежал обратно.

Путь туда и обратно — чуть больше километра, что могло случиться?

Цэнь Сяо не стал настаивать. Он боялся, что если оставит Цзянь Фу одного, тот закажет ядрёно-острый котел на весь стол.

Ли Жун дошел до самого жилого комплекса, когда вспомнил, что забыл предупредить: он не ест острый бульон на говяжьем жиру. Лучше всего было заказать котел «Юаньян» — тогда он сможет поесть из томатного отделения, ведь говядина в томатном бульоне чертовски хороша. Но телефона при себе не было, так что юноша лишь вздохнул и прибавил шагу.

С наступлением сумерек запах сырости стал острее. Промозглый воздух, пропитанный ароматами земли и тумана, обжигал лёгкие. Ли Жун сделал несколько глубоких вдохов, и, несмотря на приятную свежесть, его забил приступ тяжелого кашля. Он прикинул сроки: прошел месяц, осталось еще пять, и его здоровье придет в норму.

Он вошел во двор, поднялся по ступеням и набрал код. Фонари на улице уже зажглись, их тусклый свет просачивался сквозь шторы, рисуя в пустом доме причудливые тени. Ли Жун наощупь нашел выключатель. Он отчётливо помнил, что оставил телефон на диване, когда они отдыхали.

Замешкавшись на пороге, Ли Жун всё же переобулся в домашние тапочки — привычка, сильнее обстоятельств, даже если дом ему больше не принадлежал. Подойдя к дивану, он сразу увидел телефон, застрявший между подушками. Ли Жун уже привык к компактному экрану старого аппарата и почти забыл, насколько удобнее был его смартфон из прошлой жизни.

Он наклонился, чтобы забрать телефон, и вдруг в голове вспыхнула картинка. Человеческие чувства воспринимают гораздо больше информации, чем мозг успевает обработать мгновенно. Некоторые детали не формируют чёткий сигнал сразу, а откладываются в подсознании смутным ощущением неправильности.

Выпрямляясь, он вдруг осознал: коробки, аккуратно составленные в углу, выглядели не так, как он их оставил. Клейкая лента на них была повреждена. Ли Жун мельком взглянул на стыки — на картоне виднелись выдранные волокна, а цвет под ними был светлее, чем на остальной поверхности. Кто-то вскрывал ящики. Он упаковывал их сам, используя новые коробки и свежий скотч, таких следов просто не могло быть.

В его дом кто-то забрался.

Ли Жун медленно выпрямился. Зрачки его сузились, а во взгляде засквозил ледяной холод. Времени с их отъезда прошло слишком мало — вряд ли незваный гость успел уйти. Пальцы быстро набрали сообщение Цэнь Сяо.

[Ли Жун: Возвращайся]

Цэнь Сяо был слишком умен, чтобы тратить время на вопросы.

[Цэнь Сяо: Хорошо]

Бросив взгляд на ответ, Ли Жун убрал телефон в карман. Он огляделся: в гостиной царил тишина, но остальные комнаты, погруженные во тьму, напоминали тёмные водовороты, готовые поглотить любого, кто осмелится войти. Ли Жун невозмутимо прошел к открытой кухне и бесшумно достал из шкафа нож. Лезвие скользнуло по подставке, не издав ни единого звука.

Ловким движением он перехватил рукоять обратным хватом, пряча лезвие за предплечьем, и направился к выходу. Остановившись у двери, Ли Жун обулся, словно собирался уходить, и в тот момент, когда его пальцы коснулись выключателя, он медленно поднял взгляд.

Пах.

Взгляд его был таким же черным, как мрак в гостиной, а веки — острыми, словно лезвия бритвы. Ли Жун распахнул входную дверь, послышался сухой шелест подошв о коврик, и через несколько секунд...

Бум!

Дверь с грохотом захлопнулась.

В доме воцарилась тишина. Где-то у соседей жарили еду, и аппетитный аромат просачивался сквозь щели в окнах, смешиваясь с застоявшимся воздухом. Спустя мгновение из уборной на первом этаже донесся едва уловимый звук. Ли Жун не шелохнулся.

Вскоре дверь туалета приоткрылась, и оттуда, крадучись, выскользнула тёмная фигура. Человек шел, опустив голову, и вдруг включил фонарик. Жёлтый луч полоснул по комнате, выхватив из темноты мертвенно-бледное лицо Ли Жуна. При свете фонаря было видно, как вор вздрогнул от ужаса, его тело сотрясла крупная дрожь.

Ли Жун щелкнул выключателем, и гостиную залил яркий свет люстры. Воздух в комнате словно превратился в бетон. Ли Жун встретился взглядом с мужчиной в маске. В расширенных глазах незнакомца читалась неприкрытая злоба и досада.

Эта злоба была похожа на яд змеи, которая, обнаружив, что противник не так силен, как казалось, выгибает шею, готовясь нанести смертельный удар. Мужчина не был тучным, но выглядел крепким и жилистым. Короткая стрижка, грубая желтоватая кожа — похоже, он проводил много времени под открытым солнцем. На нём была самая обычная синяя ветровка, перепачканная в пыли.

Взгляд Ли Жуна опустился на руки вора. Тот сжимал крафтовый пакет. В таких пакетах хранились рукописи Ли Цинли; Ли Жун сам уложил их на самое дно коробки.

Губы юноши изогнулись в подобии улыбки. Рельеф рукояти ножа впивался в ладонь, оставляя багровый след, а холод металла, казалось, просачивался сквозь кожу прямо к костям. В его глазах не было и тени тепла — лишь мягкие пряди волос, упавшие на ресницы, придавали облику обманчивую беззащитность. Но эта полуулыбка и ровный ряд белых зубов заставляли почувствовать удушающую жуть.

Ли Жун тихо вздохнул. Его голос прозвучал с пугающим безразличием: — Знаешь... я терпел это слишком долго.

Не успело эхо затихнуть, как смуглолицый рванулся к нему. Но его взгляд был устремлен не на Старосту, а на входную дверь за его спиной. Он не собирался драться — он хотел сбежать.

Ли Жун перехватил нож покрепче и, не мигая, полоснул в сторону его шеи. Его движения были стремительны. Вор резко затормозил, и лезвие лишь свистнуло перед самым его лицом.

Вид ножа ошеломил его. Мужчина попятился, тяжело дыша через маску, которая при каждом вдохе втягивалась в рот. Он свирепо уставился на Ли Жуна и вдруг выхватил из рукава нечто блестящее.

Это была заточенная отвёртка. Вор пришел подготовленным: такое оружие легко прошивало кожу, вонзаясь в плоть и сокрушая хрупкие кости гортани. Он надеялся, что Ли Жун испугается и отступит, освобождая путь, но тот даже не шелохнулся.

Мышцы юноши напряглись. Он уперся рукой в стену, сжимая губы, чтобы подавить подступающий кашель. В следующую секунду он совершил движение, непостижимое для обычного человека: используя одну ногу как ось, он буквально крутанулся на месте. В тот миг, когда отвёртка должна была войти в цель, Ли Жун уже сместился в сторону.

Оружие со скрежетом вонзилось в стену рядом с его ухом, выбив облачко белой пыли. Не давая противнику опомниться, Ли Жун перехватил его руку локтем и, используя инерцию собственного разворота, резко выкрутил конечность вниз. Раздался глухой хруст — кость вышла из сустава.

Смуглолицый стиснул зубы, сдерживая крик боли. Из последних сил он вцепился в отвёртку свободной рукой. Обливаясь холодным потом и дико вращая налитыми кровью глазами, он мечтал лишь об одном — оттолкнуть Ли Жуна и вырваться из дома.

Но Ли Жун не дал ему ни единого шанса. В его глазах застыл мертвенный холод. Он резко вскинул колено и с силой впечатал его в живот противника. Даже ослабленный болезнью, он вложил в этот удар всю свою ярость. Мужчина почувствовал, как рёбра пронзила острая боль, в глазах потемнело. Он потерял равновесие и рухнул на пол.

В желудке всё перевернулось, к горлу подкатила желчь, но в тот момент, когда он готов был согнуться в рвотном позыве, нож Ли Жуна вонзился в пол в считанных миллиметрах от его шеи. Тошнота мгновенно испарилась, сменившись ледяным ужасом. Весь его затылок и спина стали мокрыми от пота.

Ли Жун навис над ним. Его зрачки казались бездонными озёрами чернил. Прижимая колено к груди вора, он с такой силой сжимал рукоять ножа, что костяшки пальцев побелели, а вены на бледных руках вздулись.

— Зачем ты пришел?

У вора в ушах стучала кровь, лицо побагровело, а на лбу вздулись вены. Он всё еще надеялся вырваться — Ли Жун выглядел слишком хрупким по сравнению с ним. Мужчина затравленно озирался, его мышцы напряглись.

Но в следующую секунду Ли Жун резко вырвал нож из пола. На его лице проступила пугающая, болезненная улыбка. Не мигая, он трижды молниеносно ударил ножом рядом с шеей вора. Лезвие каждый раз проходило вплотную к коже, оставляя на полу рваные белые отметины. Последний удар всё же задел плоть — из неглубокого пореза брызнула горячая кровь.

— А-а-а!

— А-а-а!

— А-а-а!

Психика вора не выдержала. Силы мгновенно покинули его тело, сменившись первобытным страхом смерти. Он понял: эти удары не были случайностью. Тот, кто навис над ним, действительно хотел его убить.

— Не убивай! Не убивай меня! Мне ничего не нужно! Я... я всё верну! — он заикался от ужаса, вскинув левую руку в защитном жесте.

Ладонь Ли Жуна была перепачкана чужой кровью. Теплая жидкость согрела его вечно холодные пальцы и медленно стекала по запястью. Он склонил голову набок. Ли Жун больше не бил, но и страх жертвы его не трогал. Он посмотрел на свою окровавленную руку: красные ручейки заполняли линии на ладони, окрашивая болезненно-бледную кожу в цвет жизни. В его душе внезапно вспыхнуло странное, почти экстатическое чувство, тянущее его в густой туман бездны.

«Почему он должен всё это терпеть? — Ли Жун не сводил глаз с багровых потёков. — Почему именно он потерял семью, лишился дома и дважды за две жизни нёс на себе клеймо позора?»

Как же хочется, чтобы они все сдохли. Несправедливо... Пусть подохнут прямо передо мной, жалкие и дрожащие, став жертвами для меня и моих родителей.

Этот человек перед ним — просто мелкий воришка, пешка в чьей-то игре. Но он наверняка смаковал подробности их «позорного самоубийства». Одной короткой вспышки боли будет достаточно, чтобы перерезать сонную артерию и оборвать эту жизнь.

Ли Жун знал, что подобные мысли ужасны, но в какой-то миг ему действительно захотелось это сделать.

Внезапно в тишине раздался писк электронного замка. Щелк — и дверь распахнулась.

Цэнь Сяо замер на пороге. Перед ним предстала жуткая картина: Ли Жун с ножом в окровавленной руке прижимал к полу человека, который трясся мелкой дрожью. Брови мужчины сошлись на переносице. Все мышцы Ли Жуна были напряжены до предела, пряди волос закрывали его лицо. Он словно не заметил появления друга и продолжал медленно, дюйм за дюймом, приближать лезвие к истекающей кровью ране на шее вора.

— Ли Жун! — позвал его Цэнь Сяо.

Движение ножа замерло. Юноша медленно повернул голову и поднял веки, фокусируя взгляд на вошедшем. При этом повороте линия его шеи — от уха до самой ямки между ключицами — натянулась, и изящный кадык едва заметно дёрнулся.

Его губы были влажными и алыми, сквозь них виднелись белоснежные зубы. Щёки оставались мертвенно-бледными, а в затуманенных глазах плескалась какая-то неизбывная горечь и растерянность.

В этот миг Цэнь Сяо показалось, что Ли Жун прекрасен, как лесной демон. И ведёт себя так же.

Но когда Староста узнал его, туман в глазах начал рассеиваться, а хватка на рукояти ножа ослабла. Безумцем должен быть Цэнь Сяо. Ему самому не обязательно становиться таким. Одного такого безумца на их двоих будет вполне достаточно.

Вор, увидев мужчину, принял его за спасителя и истошно закричал: — Спасите! Помогите! Я больше не буду! Мне не нужны эти деньги! Это другие меня наняли! Я правда ничего не знаю!

Цэнь Сяо лишь мельком взглянул на него и равнодушно отвернулся. Он подошел к Ли Жуну, протянул руку и ладонью обхватил его острый подбородок, нежно погладив большим пальцем по щеке.

— Сокровище, руки испачканы. Давай я их отмою.

<http://bllate.org/book/15351/1420379>